

МИРА ФОРСТ

ВООБРАЖАЕМОЕ
СВИДАНИЕ

Мира Форст

Воображаемое свидание

«Автор»

2026

Форст М.

Воображаемое свидание / М. Форст — «Автор», 2026

Вероника и Вадим переживают кризис в отношениях после двадцати четырех лет брака. Паре советуют обратиться к специалисту-психологу, и тот предлагает супругам инновационную терапию – с помощью капсулы времени перенестись назад в прошлое, в тот год, когда Вадим и Вероника только познакомились и были безумно влюблены друг в друга.

© Форст М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ВЕРОНИКА	5
ГЛАВА 2. ВАДИМ	7
ГЛАВА 3. ВЕРОНИКА	10
ГЛАВА 4. ВЕРОНИКА	12
ГЛАВА 5. ВАДИМ	15
ГЛАВА 6. ВЕРОНИКА	19
ГЛАВА 7. ВАДИМ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мира Форст

Воображаемое свидание

ГЛАВА 1. ВЕРОНИКА

2014 год

Мне сорок один. Мне всего сорок один, – повторяю про себя, словно мантру. Я еще совсем не старая. А кризис в супружеских отношениях – это вовсе не конец света.

– Вероника... Кузнецова... Ау..., – прорывается в сознание голос Леночки Туляковой.

– Лена, ты чего? – приоткрываю веки и откатываюсь на своем кресле от рабочего стола, так как подруга нависает прямо надо мной, а запах ее новых духов проникает мне в ноздри, слишком сладкий.

– Чего-чего..., – сцепляет она пальцы в замок. – Зову тебя, а ты не слышишь. Как пришла с самого утра, так будто не в себе. Опять с Вадимом поругались?

– Ага, – киваю устало. – Всерьез подумываю о разводе.

– Ник..., – прошла Лена по кабинету, поправила юбку и села за свой стол. – Вы сколько женаты?

– Двадцать четыре года, – думаю о том, что последние лет пять мы с Вадимом ни разу не отмечали годовщину свадьбы, не то, что раньше, когда для нас это был такой же праздник, как и другие значимые даты в календаре.

– И ты вот так просто откажешься от всех этих лет? Откажешься от Вадима?

– Надоело все, Лен, – пожимаю плечами, и сама пугаюсь своему равнодушию. – Пора что-то менять в жизни, из которой ушли яркие краски.

– Вероник, а вы к семейному психологу не пробовали походить? Могу посоветовать одного специалиста по семейным отношениям. Берет дорого, но его методика, по слухам, какая-то уникальная. Мою соседку Янку, помнишь? – слишком оживилась Лена, как всегда бывало, когда ей в голову приходила гениальная, с ее точки зрения, идея.

– Как такую стервозину забыть? – усмехаюсь, припоминая день рождения Туляковой, на котором эта самая Яна учинила скандал, подравшись с другой гостьей, девушки тогда буквально катались по полу, выдирая друг другу волосы.

– Ну да, Яна немного эксцентрична, – подобрала своей приятельнице иное определение Лена. – Но я не к тому. У них с Павлом тоже полное выгорание в браке случилось, как у тебя с Вадимом. Разводиться собирались, но их кто-то надоумил к специалисту обратиться, и, знаешь, Вероничка, результат обалденный. Они не то, что разводиться передумали, у них уже год, как второй медовый месяц длится. Смотреть противно, потому что слишком завидно.

– Звучит неправдоподобно, – с укором смотрю на Ленку. – Что еще за чудо-психолог такой?

– Так сходи сама к нему, и узнаешь. Вместе с Вадимом, – вытащила она из сумки визитницу, полистала и вынула одну карточку. – Вот, возьми, мне Яна дала.

Я встала и взяла карточку. «*Сиротин Панкрат Николаевич. Эффективная метода возрождения угасшей страсти для супружеских пар*», – было напечатано на картонном прямоугольнике.

– Вадим вряд ли пойдет. Он точно откажется, – если уж я ставила под сомнение подобную методу, муж тем более не впечатлится.

– Если откажется, тогда и разведетесь, – философски заметила Лена.

В наш кабинет ворвался Никита Ерохин из снабжения, схватил с моего стола бутылку с водой и опустошил тару в несколько глотков.

– Фу. Чего за вкус у воды такой странный? – поморщился Никитка.

– Так там цветы стояли, – насмешливо поглядела на парня Тулякова.

Под смешки мои и Ленки, Ерохин чертыхнулся и выпалил зачем пришел:

– Девчонки, выручайте! Катька-секретарша отгул взяла, я боссу на глаза попался, и он меня в кофейню послал за кофе. А у меня смета горит. Сгоняйте, а?

– Дурак, ты, Никитос, – снисходительно сказала я. – Пойдем. Научу, где нужный кофе брать.

Я отвела его на общую кухню, открыла один из подвесных шкафчиков и извлекла оттуда стаканчики из той кофейни, которую наш шеф считал достойной. Нажала кнопку на кофемашине и подставила стаканчик.

– Это чего, так просто? – тупил Ерохин.

– А ты, что думал, Катерина за кофе в кофейню каждый раз бегаешь?

– Ну... босс наш явно так и думает, – хихикнул Никита.

– У нас с мужем не все ладно, – первая фраза, которую я произнесла после того, как переступила порог офиса и поздоровалась с невзрачным мужчиной в поношенном костюме.

Сиротин своим внешним видом без какого-либо апломба, какой вроде бы присущ людям его профессии, не вызывал доверия. Точно так же, как и его кабинет, напичканный старой советской мебелью. Ни одного диплома на стенах и никаких атрибутов успешности. Я уже жалела, что пришла сюда, но... деньги, как говорится, уплачены. Бонуса в виде пробного бесплатного сеанса или хотя бы скидки не предусматривалось. Похоже, Панкрат Николаевич зарабатывал именно на первичных приемах.

– Расскажите для начала о себе, Вероника Сергеевна, – указал сомнительный специалист мне на стул, куда я могла присесть. Сам он остался стоять у закрытого и давно немытого окна.

– Что именно вы хотите знать? – спросила резче, чем следовало, за что рассердилась на себя, глупо было грубить, это же я пришла сюда, добровольно и в поисках помощи.

– Просто небольшую справочку, – пояснил Сиротин. На лице психолога не появилось фальшивой, наигранной улыбки, отчего он стал нравиться мне больше. – Представьте, что вы заполняете анкету. В каком году родились, где учились, все в таком духе.

Справочку, так справочку, – закинула ногу на ногу и поделилась той информацией, которую от меня хотели услышать.

– Я родилась в одна тысяча девятьсот семьдесят третьем году в поселке Болшево Московской области, сейчас это город Королев. Училась на экономиста, но работаю документоведом в отделе кадров на фирме по продаже стройматериалов. Двое детей. Дочери двадцать два, и у Гели уже своя семья. Сыну двадцать. Димка студент, живет с нами, но вполне самостоятелен и в родительской опеке больше не нуждается.

– А... – перебил меня Сиротин. – Все ясно. Дети подросли, и вы всю свою энергию, что прежде тратили на них, направили на мужа.

– Что, простите? – опешила я от такой ремарки. – То есть вы заранее сделали меня виноватой в супружеском разладе?

Ну Ленка... Подсунула мне какого-то психованного психолога.

Видимо, кипучие эмоции отразились на моем лице, так как Панкрат Николаевич поспешил реабилитировать свою репутацию в моих глазах.

– Не реагируйте так остро, Вероника, – мягко произнес он. – На самом деле неважно, кто кого допекает в вашем браке. Если вы готовы его сохранить, вам достаточно вернуться к истокам. Истокам вашей любви.

ГЛАВА 2. ВАДИМ

2014 год

Я молчу. И Сиротин молчит. Он стоит у окна, а я сижу на диване со старой обивкой. Не понимаю, где Вероника откопала этого психолога. Почему именно его? Судя по обстановке в кабинете, да и по одежке Панкрата Николаевича, *эффективная метода возрождения угасшей страсти* не слишком-то эффективна. Хотя, я никогда не оцениваю людей и их успех по внешнему виду. Всякое бывает.

– Раз вы пришли, – наконец первым нарушает он тишину, – значит, не считаете психотерапию полной ерундой, что свойственно большинству мужчин. Женщины обращаются ко мне за помощью, но не находят аргументов для того, чтобы убедить мужа посетить сеанс. А для восстановления гармонии в семье всегда нужны двое.

– Я бы тоже не пришел, – признаюсь честно. – Но жена сказала, если не пойду, она со мной разведется.

– Вот как..., – сложил Сиротин руки на узкой груди. – А вы, стало быть, не хотите разводиться?

– Не хочу, – всегда любил я Веронику, и мысль о разводе с ней отзывалась где-то на закорках сознания весьма болезненно.

– Вы давно женаты, Вадим Валентинович. По статистике, к сорока-пятидесяти годам немалый процент мужчин меняют партнершу и не стремятся сохранить прежние отношения.

– Я не хочу разводиться с Вероникой, – повторил четко, начиная злиться на Панкрата. Складывалось впечатление, что он ввинчивает в мою голову самую мысль о разводе.

– А какова причина, Вадим? Не хотите разводиться, потому что привыкли и не хотите ничего менять? Или, может быть, ваш тесть богат, помогает вам с карьерой, например?

– А что, другой причины быть не может? – появилось желание врезать ему по роже. Но, это было бы унижительно, прежде всего, для меня самого. Наша весовая категория никак не соответствует правилам ринга, я намного шире и крупнее, очевидно, сильнее. Бить более слабого – запахло.

– Так озвучьте, Вадим, – пусть и странным методом, но вызывал он меня на откровенность.

– Хорошо, – собрался я с мыслями. – Я ее люблю. Вот главная причина. Влюбился в нее сразу, как увидел. Тогда мне было двадцать, только вернулся с армии, и смыслом моей жизни стало завоевать самую лучшую и красивую девочку в городе. Чтоб вы понимали, мы жили в бывшем закрытом военном городке, все друг друга знали.

– И вы ее завоевали, – внимательно смотрел на меня Сиротин.

– Да. Мы поженились с ней совсем молодыми. Ее родители возражали, но моя тетя оставила мне квартиру в Москве, так что у нас было, где жить. Мы и сейчас живем в той квартире. Сейчас мне уже сорок три, но я по-прежнему люблю Веронику. Просто... Просто у нас как-то все разладилось последнее время, и мне это не нравится, а как исправить – не знаю.

– Похвально слышать, – прозвучало одобрение в голосе Сиротина. – Скажи вы по-другому, признаться, я бы не взялся за вашу пару. Я работаю только с теми супругами, кто действительно хочет сохранить брак.

– А Вероника..., – замаялся, прежде чем спросить. – Вероника хочет сохранить?

– Она инициировала нашу с вами встречу. Как думаете, что это означает? – вопросом на вопрос ответил он. – И вот что, Вадим. Я готов помочь вернуть страсть и огонь вам двоим, – подошел Сиротин к столу, взял простую шариковую ручку и что-то начеркал на отрывном блокнотном листе. – Адрес, – передал листок мне. – Приходите завтра вместе по этому адресу.

– Как думаешь, что это значит? – взяла Ника меня под руку.

Мы приехали с ней по адресу, который дал Сиротин, и теперь стояли перед трехэтажным зданием с вывеской «Инновационные технологии».

– Трудно сказать, – понимал, о чем она. Инновационные технологии могли означать все, что угодно. – Пойдем, посмотрим, раз уж пришли.

Внутри на входе располагался пост охраны. Наши фамилии оказались внесены в список посетителей, но пришлось предъявить паспорта. С первой страницы секьюрити снял копии. Копиями дело не ограничилось. Нам дали подписать согласия о неразглашении всего увиденного и услышанного.

– Вам прямо по коридору, – указал охранник направление, отдавая наши экземпляры согласия. – Железная дверь.

– Может, сбежать, пока не поздно? – засомневалась Вероника, когда мы миновали турникет.

– Думаешь, стоит бояться? – немного дразнил ее. У моей жены две крайности – она либо ничего не боится, либо ужасно боится.

– Железная дверь..., – повторила Ника слова охранника. – Звучит так себе. Еще и согласия эти. Как-то все странно.

– Но любопытно. Согласись? – рассматривал я коридор, по которому мы шли. Дизайн современный, ремонт хороший. На стенах картины, в едином стиле – абстрактно-графические. Двери с нумерацией могли напоминать гостиницу, если бы не привинченные таблички с обозначениями: «Директор», «Технолог», «Главный инженер».

– Скорее, жутко, – сильнее сжали ее пальчики мой локоть.

Табличка на нужной двери извещала – «Исследовательский центр».

– Чувствую себя подопытной, – пробурчала Вероника, но назад все же не повернула.

Я толкнул тяжелую с виду дверь. Она легко поддавалась, и мы оказались в огромном помещении.

– Вау..., – выразила Вероника и мою эмоцию.

ГЛАВА 3. ВЕРОНИКА

2014 год

В этом центре, куда нас пригласил Сиротин, было слишком современно, слишком инновационно. Будто на корабль космический попали или на съемку фильма. Мигающие неонами лампы, множество приборов, тоже мигающих, бегущие строки на панелях, электронные графики, выведенные на интерактивные доски. Люди за компьютерами, правда, не в скафандрах, а в обычной одежде. Масштаб проводимых тут исследований, в чем бы они не заключались, слегка давил на плечи и обескураживал.

– Вероника, Вадим, – вышел к нам Панкрат Николаевич. Он появился из-за стены, служащей то ли перегородкой, то ли ширмой, отгораживающей от большого зала. – Рад, что вы пришли.

– Что здесь разрабатывается? – не смогла сдержать я любопытства.

– Много всего, – дал мужчина обтекаемый ответ, но кое-что все-таки пояснил. – В основном микрочипы и исследовательские капсулы. – Идемте, побеседуем в моем блоке.

Я чувствовала себя неуверенно и, наверное, убежала бы, но меня удивляла решимость Вадима. То, что мне самой стал казаться глупостью визит к психологу, а затем сюда, оказалось важным для мужа. Все его недавнее поведение транслировало, что он тяготится нашим браком, но стоило мне упомянуть о разводе, Вадик неожиданно ухватился за возможность спасти наши отношения. Только поэтому, заставив себя не трусить, я не отступилась.

За той стеной, откуда появился Панкрат Николаевич, обнаружилось еще несколько помещений, только закрытых. Мы зашли в одно из них, где на дверной табличке значилось – «Проект Воображаемое свидание».

– Ну вот, вы здесь, и у вас появился уникальный шанс отправиться в прошлое, – говорил мужчина загадками.

Огляделась. Здесь ничего не мигало, но шло легкое гудение от нескольких самых настоящих капсул, подобные я видела в музее космонавтики, только там они были пограндиознее.

– В прошлое? – переспросил Вадим, усаживаясь на диван, обитый серой кожей, и утягивая меня за собой. Я села рядом с мужем, пока абсолютно не понимая, что собирается предложить нам Сиротин.

– Именно, – кивнул психолог, хотя, думаю теперь, что он был больше ученым, чем специалистом в области психологии. – Проект «Воображаемое свидание» позволяет возвращать людей на недолгий период в прошлое. Человек заново проживает заданный отрезок времени без каких-либо его изменений. Потом возвращается обратно, прекрасно помня о своем необычном путешествии. Поверьте, вновь пережитые мгновения прошедшего и забытого счастья помогают вновь стать счастливым в настоящем.

– Это и есть ваша эффективная метода? – спросила с долей надменности и скепсиса, скрывая за своей надменностью... А, что собственно я скрывала, страх или предвкушение?

– Да, – просто ответил Сиротин. – Стопроцентный результат.

– То есть, вы хотите сказать, существует способ возвращаться в прошлое, заново проживая его? – недоверчиво уточнил Вадим.

– Существует.

– И что это за технология? – удивляло меня, что Вадик не послал к черту Сиротина, а продолжает выспрашивать.

– В нашем центре, как я уже упоминал, разрабатывают микрочипы. Самые разные. Конкретно для «Воображаемого свидания» в чипе задается временной вектор, он вживляется под кожу. Поверьте, безболезненно. Перенос происходит с помощью временной капсулы, – указал Панкрат на однотипные конструкции, те самые, похожие на музейные экспонаты или кинош-

ный реквизит. – В каком году вы познакомились? – переключился он на переглядывающихся нас.

– Я заканчивала школу, – и не знаю, зачем ответила. Предложение отправиться в прошлое казалось абсурдным. В любом случае, я бы и не позволила вживлять в себя никакие чипы.

– Это было точно до развала СССР, незадолго до развала, – кажется, как и я, производил Вадим в уме подсчеты. – Тогда еще стал падать авторитет Горбачева после избрания его Президентом страны на съезде народных депутатов в марте девяностого. Мы познакомились с Вероникой как раз в тот год, только осенью.

Уголки моих губ дрогнули в улыбке. Я вспомнила день нашего знакомства, и мне вдруг очень, очень захотелось испытать заново те острые эмоции, что взбудоражили мое сердце в далеком одна тысяча девяностом году.

– Тогда вам стоит отправиться именно туда, – похоже, не сомневался Сиротин в нашей согласии. – Настройки временного вектора возможны от недели до двух месяцев. Я бы посоветовал задать месяц.

– Это, как в «Матрице»? – предположил Вадим. – Находишься в одном месте, а твое физическое тело в другом?

– Нет, – опроверг чудо-психолог. – Вы будете только там, заново проживая те дни и не зная о будущем. В нужное время сработает чип, и вы вернетесь в свое время. Безусловно, здесь вам потребуется взять отпуск на работе и предупредить родных, что будете некоторое время вне зоны доступа, чтобы они не волновались и не принялись писать заявлений в полицию.

– Вы так говорите, как будто мы уже и согласились, – расправила я складки на юбке платья, заметно нервничая. – Все, что вы сказали, звучит фантастикой.

– Вы хотели сказать, фантастически? – невинно уточнил Панкрат.

Не успела возразить, меня опередил Вадим с вопросом, который почему-то мы еще не обсудили.

– Сколько стоит подобная терапия? Как туристический полет в космос?

Я даже выдохнула. Конечно, у нас же нет таких денег. Космический туризм доступен лишь миллиардерам.

– Вам не придется платить. Наоборот, заплатят вам, – огорошил нас Сиротин, и еще больше огорошил, написав на листочке-стикере сумму оплаты. Сумма была запредельно высокой.

– Мы что, должны будем что-то украсть в прошлом? – сложил Вадик руки на груди и сощурился.

– Вы не сможете, – бесстрастно выдержал ученый тяжелый взгляд моего мужа. – Как я и сказал, никакого вмешательства в прошлое не происходит.

– Тогда в чем подвох? – теперь уже сощурилась и я.

ГЛАВА 4. ВЕРОНИКА

1990 год

– Блин..., – накрываю голову подушкой, спасаясь от звонка будильника.

Звон прекратился, но я продолжаю не просыпаться.

– Вероника, – теперь будит уже голос мамы. – Вставай. В школу пора.

– Мам, ну почему ты всегда приходишь вслед за будильником? – бормочу сонно.

– На то я и мама, появляюсь всегда, когда надо тебя проконтролировать, – в отличие от меня она уже умыта, подкрашена и одета на работу. – Давай, вставай уже, не ленись.

– Ладно, – откидываю одеяло, свесив ноги с кровати. Влезаю в тапки и плетусь в уборную.

– Я ушла! – звонко сообщает мама из прихожей. – Всем пока!

– Пока, дорогая! – отзывается папа с кухни.

– Пока-пока, – лепечу себе под нос, принюхиваясь. Пахнет омлетом, а значит, завтрак сегодня готовил папа. У него получается самый вкусный омлет из всех, какие мне когда-либо доводилось пробовать. Мама уверяет, это потому, что он не экономит на яйцах и сыре.

Умываюсь, таращась на себя в зеркало. Длинные волосы спутались, глаза припухли после сна, на правой щеке след от подушки. Но я все равно хорошенькая. Даже очень.

Выключаю воду и теперь слышу радио, включенное отцом на кухне.

... Президент теряет доверие советских граждан. На первые позиции выдвигается Борис Николаевич Ельцин. Это стало ясно после Всесоюзного опроса, проведенного центром изучения общественного мнения. Двадцать восемь процентов опрошенных считают, что лидер советской страны Михаил Сергеевич Горбачев...

– Доброе утро, пап, – захожу на кухню. – Уже позавтракал?

– Да. Убегаю, – споласкивает он чашку, из которой обычно пьет кофе. – Твой омлет на сковородке.

– Спасибо, – переключаю радио на другую волну и завтракаю уже под приятный музыкальный фон, а не нудные политические сводки. У моих ног трется Финик. Кот, как всегда, делает вид, что его еще не кормили.

Бросаю взгляд на кухонные настенные часы. До начала первого урока сорок минут, а первым уроком значится физкультура, еще надо заложить время на переодеться. Быстро доедаю, оставляя посуду в раковине. Потом помою.

Влезаю в школьную форму, приготовленную с вечера. Синяя в складку юбка, салатровая рубашка, синий приталенный пиджак. Все сшито моей мастерицей бабушкой, по моей фигуре, оттого отличается от единообразной формы большинства одноклассниц. Я вообще умею отличаться и выделяться. Всего лишь небольшие хитрости, и ты – самая заметная девочка в классе. Взять хотя бы мои волосы. Их рыжий цвет сам по себе уже заметен, но... я поступила мудро, когда не поддавалась веянию моды и не обрзала их в короткую стрижку, да даже по плечи не обрзала. И теперь они распущенной волной струятся по пояснице. Завидуйте, неудачницы...

Беру школьную сумку, вешаю через плечо, едва не забывая пакет со спортивной формой. На улице должно быть тепло, и я выскакиваю из подъезда прямо так, в юбочке и пиджаке.

До школы десять минут пути, дальше, чем до моей прежней. Та школа стояла почти напротив дома. Я ужасно не хотела переезжать из Ярославля. Тем более, что мне оставалось доучиться всего один год. Ну западло же переходить в новую школу в одиннадцатом классе. Западло. Но... как не переехать, когда папе предложили должность замредактора в «Аргументах и фактах»?

– Папа главный редактор, а станет замом? – истерила я по поводу переезда.

– Ника, – терпеливо приводила меня в чувство мама. – Это «АиФ». Москва. И потом, зам – вопрос времени. Папу не просто так именно сейчас вызвали. По слухам, нынешним главным редактором недовольны сверху. Ему готовят замену. Тебе понятно, кого?

– Хорошо. Я поняла. У папы будет все та же крутая должность. Но почему мы тогда едем не в Москву, а в какое-то Болшево? Поселок! Там что, сто человек живет?

– Да нет же, Ника, – удивительно владела собой мама, а ведь ей тоже приходилось бросать из-за этого переезда друзей, работу, моего старшего брата. – Это Ближнее Подмосковье. Москва совсем рядом, я узнавала, на электричке сорок-тридцать минут. И поселком то место условно называется. По одну сторону железной дороги – бывший закрытый военный городок, куда мы и едем, по другую – Калининград (*город Калининград Московской области переименовали в Королев в 1996 году*).

– Уже лучше, – ворчала я. – Но все равно непонятно, почему редакция в Москве, а жить мы будем не в самой Москве.

– Потому что был выбор, Вероника, служебное жилье в столице или свое в Болшево, положенное твоему отцу за выслугу лет. Естественно, мы с папой выбрали свое.

Вот так мы и переехали под самый закат лета, а первого сентября я пришла в свой новый класс, где теперь приходится проявлять себя и самоутверждаться, как перед одноклассниками, так и перед учителями. И на сегодня у меня тоже кое-что запланировано для самоутверждения, как раз на уроке физкультуры.

– Привет, Скорикова, – поравнялся со мной у школьного крыльца Юрка Добрынин. – Сделала реферат по литературе?

– А ты что, переживаешь за меня? – спросила насмешливо. Все мальчики в классе, даже самые ботаники, так или иначе подкатывали ко мне. Я была новенькой, понятное дело, что вызывала интерес одним только этим. К тому же моя внешность всегда нравилась парням. К сожалению, в новой школе я не увидела никого, с кем захотела бы встретаться.

– Борзая ты, Скорикова, – сдул Юрец со лба белобрысую челку.

– Уж какая есть, – влились мы в поток учеников, снующих по этажам.

Зал располагался на третьем, раздевалки там же. Сегодня мы должны заниматься на улице, но переодеться-то надо.

Зайдя в женскую раздевалку, поздоровалась с девчонками. Прошло всего две недели с начала учебного года, и мы пока присматривались друг к другу, хотя расклад мне уже был ясен. Три лидерши, готовые принять меня в свою компанию, середнячки, разбившиеся по группкам, и две заучки-ботанки. Совсем отстойных девиц не было, видимо, отсеялись после восьмого-девятого классов.

Я достала костюм и кроссовки из пакета. Наступили такие времена, когда для учащихся сделали послабления, как в школьной, так и в спортивной форме. Физкультура стала тем уроком, где можно было покрасоваться не только спортивными достижениями, но и одеждой, что я и делала, раздобыв чудесный ярко-розовый костюм. Одним своим цветом он привлекал внимание.

Пока переодевалась, слушала девчачий треп и потихоньку наблюдала за заучкой Таней Скворцовой. Эта барышня с тусклым мышинным хвостиком страдала синдромом отличницы и маниакальным желанием повсюду быть первой. Мне бы было все равно до нее самой и до ее первенства в учебе, но Татьяна разозлила меня пару дней назад, когда мы сдавали доклады по истории.

– Владимир Мономах, крестивший Русь, – зачитывала я строчку из доклада, как эта коза перебила меня при всем классе.

– Русь крестил Владимир Красное Солнышко. А Мономах приходился правнуком Владимиру Крестителю, – прилюдно указала она на мою ошибку, а ведь, не сделай она этого, вряд ли, кто заметил бы, включая училку, витающую в своих мыслях.

Так что сегодня я собиралась взять реванш. Во время общего забега на длинную дистанцию на время. По итогам забега двух учеников, парня и девушку, показавших лучший результат, отправят на областные соревнования. Скворцова бегала хорошо и не скрывала своих намерений попасть на областные состязания. Думаю, дома у нее наличествует стена, обклеенная призовыми грамотами.

Я хорошо все продумала. Сначала держалась в середине, бежала не в полную силу, берегла дыхание, потом постепенно начала наращивать темп, обгоняя тех девочек, кто начал слишком лихо и теперь выдыхался. Ну и на закуску оставила Танечку Скворцову. Когда та уже была неподалеку от финиша и не ожидала конкуренции, я побежала стрелой, полетела реактивным самолетом, поддерживаемая криками и свистом мальчишек, разминающихся перед своим стартом.

ГЛАВА 5. ВАДИМ

1990 год

– Вадим! – позвал Армани.

Я отложил гаечный ключ, вытер о комбинезон руки, испачканные машинным маслом, и направился в закуток шефа, огороженный от основной части гаража старым шкафом.

– Сделал движок, – доложил ему. – Посмотришь?

– Посмотрю, – глазами показал он садиться за стол и пододвинул ко мне поближе тетрадный лист и ручку. – Запиши, какие детали искать для той тачки, что вчера нам после аварии пригнали.

– Диктуй, – взял я ручку, не думая возмущаться, у Армани имелись некоторые проблемы с русской письменностью.

– Бампер передний, крыло переднее левое, подкрыльник передняя часть, фара передняя левая, кронштейн крыла левый, заглушка противотуманки в бампер, обсорбер воздушного фильтра, – перечислил он. – Записал?

– Ага, – прикинул примерно, во что выльется ремонт владельцу авто. Выходило дорого. Не сколько запчастей, сколько их покраска.

– Хозяин машины вечером придет. Попроси задаток.

– Ты же помнишь, мне в пять уйти надо. Сегодня никак не могу задержаться.

– Он раньше придет. Не волнуйся, уйдешь, как договаривались. Я только не понял, что за выступление у тебя?

– В мою бывшую школу пригласили. Там дискотека сегодня в честь начала учебного года. А перед дискотекой мероприятие для старшеклассников. Поделиться опытом попросили, несколько человек выступят, я в том числе.

– Типа, кто-чего достиг, всякие профессии нужны и востребованы, типа пример для выпускников?

Я кивнул.

– Типа того, – взял с накрытого старой кухонной клеенкой стола газету. Свежий выпуск «АиФ». Армани заворачивал в нее инструменты. Я распрямил, просматривая. Просто так, чтоб в курсе быть, чего в стране происходит. Последнее время столько всего, штормит знатно, каждый день перемены, вот уж точно перестройка...

...Поводов к формированию Народного фронта предостаточно. В Армении и Азербайджане – проблема Нагорного Карабаха, в Молдавии – замена славянской графики на латинскую, в Прибалтике – борьба за признание незаконности пакта Молотова-Риббентропа, – читал вслух.

– Я вот не люблю газеты. Никогда их не читаю, – поднялся Армани с табурета. – Ты перекуси, Вадим, и пойдем Москвич посмотрим, ремень там вроде лопнул.

В пять вечера закрываю гараж автосервиса. Привешиваю на ворота большой замок и прячу ключ в карман своих спортивных штанов. Теперь надо поспешить. Отмыться хорошенько, прежде чем в школу валить.

В квартире пусто. У мамы вторая смена, так что я не парюсь с верным порядком действий – умылся, переоделся, разогрел ужин. Просто перехватываю бутербродов, тщательно отскребаваю себя в душе, надеваю черные джинсы и свежую футболку, тоже черную.

Дверной звонок трещит дурниной.

– Эй! – распахиваю дверь. – Полегче нельзя?

Сашка с Мишкой, толкая друг друга, вваливаются в мою квартиру.

– Привет, бро, – крепко жмет мне руку Миха. Саша хлопает по плечу. – Собрался?

– Ага, – ерошу перед зеркалом отросшие волосы, застегиваю замочек на серебряной цепочке с толстыми звеньями, прячу под ворот футболки.

– Придумал, чего говорить будешь? – крутит Санек часы на своем запястье. Друг как всегда в рубашечке, застегнутой на все пуговицы, в брюках со стрелками. Педант чертов.

– Вообще не думал, – снимаю с крючка кожаную куртку. На улице пока тепло, но неизвестно, в котором часу вернусь, так что лучше озаботиться заранее.

– И правильно, – поддерживает меня Мишка. – Че там думать? Расскажет, как есть. Лучше о девочках подумать. Старшеклассницы... Ух..., – лыбится он. – Снимем девочек красивых. Повеселимся.

– Так на красивую девочку впечатление сначала надо произвести, – парирует Санек, выталкивая Мишу на лестничную клетку. – Вадик начнет мямлить со сцены и все, считай, похерил первую эмоцию, самую важную.

– Какой ты зануда, Маслов, – дразнил его Мишка. – Вадим бабам и без слов нравится. – Ты погляди на него.

– Я не баба, чтоб о его внешности судить, – Сашка покосился на меня и добавил: – Ну ладно, признаю, наш Кузнецов неотразим.

Я хмыкнул, а Мишка заржал. Так с шуточками и дошли до школы, где учились не так уж и давно.

У крыльца рассредоточились стайки школьников. Парни дрыщи еще, но с гонором, приклатненные. Девочки все с химическими завивками и густо подведенными черными стрелками на веках. На нашу троицу кидают заинтересованные взгляды. Мишка подмигивает одной из них, и деваха кокетливо хлопает тяжелыми от комковатой туши ресницами.

Заходим в школу. При входе дежурят учителя – завуч, руссичка и моя бывшая классуха Наталья Владимировна. Именно она и пригласила меня выступить. Я не отказал, помнил доброе отношение в сложный для меня период.

– Воронов, и ты здесь..., – сложила руки на груди завуч.

– А как иначе, – залихватски щерится Михаил. – Мои кореша идут, а я нет. Неужели не пустите, Алевтина Борисовна?

– Так и быть. Проходи, Воронов, – никогда не могла устоять Алевтина перед Мишкиным обаянием. – Но, смотри, у меня... без глупостей.

– Какие глупости, Алевтина Борисовна? Перерос я шалости детские. Армия мужика из меня сделала.

Учительницы дружно закатывают глаза, а мы идем прямо по коридору.

– Выступление в актовом, танцы потом в спортзале, – догоняет в спины заботливый голос Натальи Владимировны.

– Танцы, – срывается пошлый смешок с губ Михаила. Маслов тотчас толкает его в бок.

В коридорах попадаются знакомые, такие, как мы, уже закончившие школу. Так всегда на школьных дискотеках, собирается вся молодежь от шестнадцати до двадцати двух. А какие еще у нас тут особо развлечения? Бывший закрытый военный городок. Теперь открыт, но ничего интересного, где можно было бы тусоваться.

В актовом зале уже рассаживаются. На первых рядах девятый, десятый, одиннадцатый классы. Дальше учителя, гости. Мои парни остаются, а я прохожу за кулисы. Там суетится музычка, все с той же высокой прической и в классическом сарафане, какие носила и несколько лет назад. Видимо, ей поручили отвечать за организацию мероприятия.

– Вадик, – замечает она меня. – Как ты возмужал. Хорошо, что пришел, а то не все согласились.

Ну да... я бы тоже не согласился, но все же стою здесь. Нас пять человек. Помимо меня, совсем взрослый парень, уже закончивший физмат, девушка из меда, еще одна девчонка учится в швейном техникуме и чувак с ирокезом на полубритой башке, он музыкант.

Когда говорят, мы выходим на сцену. Там для нас расставлены стулья. Я нисколько не волнуюсь, вообще по хрен. Чего сложного немного о себе рассказать и поделиться опытом с выпускниками? В этом и смысл, они сейчас думают, куда им после школы податься.

Скольку взглядом по публике и вдруг торкает, в грудь прям бьет нереально. Девочка на первом ряду. Взгляд не оторвать. Золотистые волосы длиннющие, глаза голубые, даже со своего места вижу их потрясный незабудковый цвет. Личико нежное, фарфоровое. Губки пухлые, едва тронуты блеском. И одета не как все. На первый взгляд, просто – майка с широкими лямками и джинсы. На второй – это ее и выделяет на фоне разряженных в люрекс и короткие юбочки одноклассниц. Офигеть... Почему раньше ее не видел? Переехала сюда, пока я в армии был? Скорее всего, иначе я бы ее запомнил. Разве возможно не запомнить, не заметить такую? Девочка определенно осознавала свою привлекательность, парни, что сидели за спиной, так и норовили обратить на себя ее внимание. Красавица явно из тех, кто выбирает. Что ж... Надо сделать так, чтобы выбрала меня.

ГЛАВА 6. ВЕРОНИКА

К дискотеке я подготовилась. Хотелось выделяться, но не выпендриваться. Решение невольно подсказала мама, когда вернулась с родительского собрания.

– Вероничка, в вашем классе так душно. Надо бы тебе блузкушить с коротким рукавом.

Точно. Душно. И в спортзале будет душно. Вспомнились дискотеки в моей прежней школе. Лица у многих красные, челки потные. И я выбрала хлопковую топик-майку на широких лямках, выигрышного пудрового цвета. Юбку отложила, заменив на джинсы с вышивкой. Вышивку я сама сделала, подсмотрела в клипе одной иностранной исполнительницы – красную розу со стеблем, получилось оригинально.

Волосы оставила распущенными, они моя гордость, зачем прятать.

У подъезда меня уже поджидали Наташа с Аллой. Девочки из популярной тройки моего класса. Я все-таки примкнула к ним. Почему нет?

– Будем Зою ждать? – утром мы договаривались всем вместе пойти.

– Подождем пару минут, – предложила Наташка. – Если не появится, без нее уйдем. Надо же места еще в актовом зале занять.

– И зачем только придумали эту встречу? Лучше бы сразу дискач, – поправила Алла длинные золотые серьги-кольца в ушах, красиво гармонирующие с ее светлым каре.

– Не терпится с Вороновым пообжиматься? – подколола подругу Рюмина.

– Кто такой Воронов? – услышала я незнакомую фамилию.

– Ой, не слушай ее, Ника, – закатила глаза Аллочка.

– И все же? – было мне любопытно.

– Мишка. Он с армии недавно вернулся, – пояснила Наталья. – А наша Аллочка по нему в восьмом классе сохла.

– То было давно и неправда, – защищалась Алла. – А вот и Зойка.

Зоя была маленькой брюнеткой с очень богатой мимикой лица. Мне даже иногда казалось, что у нее тик, так часто все на ее лице находилось в движении. Но, возможно, это происходило от чрезмерной эмоциональности. Зоя любое высказывание превращала в повод позубоскалить и готова была, как поддержать любой скандал, так и самой раздуть его.

Мы зашли в школу, прошли фейс-контроль от дежурных учителей и сначала зашли в кабинет истории.

– Девочки, привет! – прыгнул с парты Добрынин.

– А ты чего здесь, Юрец? А не там? – расстегнула Наталья молнию своей ветровки. Я тоже сняла джинсовку и повесила ее на спинку стула. Наша классная разрешила сегодня вечером оставлять верхнюю одежду в кабинете, чтобы избежать воровства в общей раздевалке, что не исключалось при нашествии в школу слишком большого количества посторонних.

– Может, тебя, Рюмина, жду? – отвечал Добрынин весело Наташке, но косился в мою сторону.

– Смотри, шею не сверни, пока на Скорикову пялишься, – не укрылся от вездесущей Зойки интерес ко мне одноклассника.

– А врешь, что меня ждешь, – притворно обиделась Ната.

В актовом зале нам удалось занять места на первом ряду. Добрынин уселся на втором, прямо за моей спиной и доставал дурацкими шуточками.

Хорошо бы мероприятие не затягивалось, Алла права, потанцевать хочется, к тому же я точно знаю, куда буду поступать, а сегодняшние выступления для тех, кто не определился. Но, с другой стороны, почему бы не послушать?

Я первый раз в актовом зале, потому рассматриваю стены, портреты и неожиданно сплетаюсь взглядом с незнакомым парнем. Он сидит на сцене вместе с другими ораторами и смотрит в упор на меня. Точно на меня? Или на Наташку? Рюмина яркая девушка, заметная, красит волосы в цвет вишни, и помада на губах – вызывающая.

Но парень все-таки смотрит на меня, откровенно, не скрывая жадного интереса. А я отчего-то волнуюсь. Еще ничего не случилось, но как будто должно. Делаю вид, что не замечаю, сама исподволь рассматриваю. Ему лет двадцать. Крупные черты лица, мощная шея. Кажется, он высок, но сказать наверняка можно будет только, когда он встанет со стула. Темные волосы в художественном беспорядке, длинный рукав черной футболки не скрывает бицепсов. И глаза... Хочется узнать, какого они цвета. Такие пронзительные, впиваются в меня, уже чего-то обещают и ждут взамен.

Учительница музыки представляет выступающих. И я узнаю его имя. Вадим Кузнецов. *Вадим Кузнецов*, – проговариваю мысленно. Мне нравится. Нравится его имя. Его раскованность. Его откровенный интерес. Его голос – низкий и опасный. Я узнаю, что он окончил

училище, служил в армии, работает в автомастерской, поступил в институт на заочное отделение.

– Вадим, что вы пожелаете нашим выпускникам? – предлагает высказаться ему музычка.

И мне нравятся слова, которые он произносит:

– Всегда смотреть вперед, прошлым сыт не будешь.

Я повторяю эти слова про себя. *Всегда смотреть вперед, прошлым сыт не будешь.* Как хорошо он сказал.

Обязательная программа заканчивается, в открытую дверь зала проникает грохот настраиваемых колонок. Все спешат на дискотеку.

– Девочки, вы идите. Я немного задержусь, у Светланы Леонидовны надо кое-что уточнить, – нагло вру, так как мне совсем нечего уточнять у преподавательницы музыки. Но мне надо остаться. Одной. Просто проверить.

– Ждем тебя в спортзале. Найдешь нас, – к моей радости, торопятся мои подружки окунуться в водоворот музыки и флирта.

Я подошла к стеллажам с кубками и грамотами, принялась рассматривать, ощущая жар между лопатками. В зеркальном стекле отражалось мое лицо. И фигура Вадима. Я не ошиблась, он высок.

– Первый медленный танец мой. Договорились? – стоял он так близко, что его теплое дыхание касалось моей шеи.

Обернулась. Потерялась на миг в зеленых глазах. Вот такой у них цвет – зеленый.

– Посмотрим, – краешком губ улыбнулась ему, уже мечтая об этом первом медленном танце, нашем с ним танце.

ГЛАВА 7. ВАДИМ

– Молоток, Вадик! Отлично выступил, – хлопает меня по плечу Воронов. Они с Саньком ждут меня у выхода из актового зала.

– Да обычно, – пожимаю плечами, гадая, зацепил ли девчонку, жалея, что не спросил имени. Конечно, на дискотеке сейчас отловлю, но все же... лоханулся. От волнения что ли?

Не припомню, чтобы волновался когда-либо из-за вопроса понравлюсь или нет девочке. Как-то пофиг было, согласится – отлично, нет – да и скатертью дорога. А тут... возможный отказ реально парит. Сомнения опять же, не красавец ведь я, да и не шибко умный. Правда и козыри имеются, в отличие от большинства моих сверстников, получающих грошовую стипендию, я получаю зарплату. Армани хорошо платит. Могу позволить себе водить девушку в кино, кафе и прочие мелкие радости.

– Вадим, а что за девушка, с кем ты разговаривал? – прерывает мои мысленные метания Сашка.

Смотрю на Маслова внимательно. Неужто тот случай, когда два друга на одну цыпу западают?

– Она моя, Саш. Если что, – необходимо мне застолбить, обозначить свое первенство.

– Оу-оу..., – ржет Мишка. – Полегче, парни. Кто первый увидел, того и тапки.

– Ладно. Я просто спросил, – расстегивает Александр верхнюю пуговицу на рубашке, будто жарко ему стало, а я объективен, мой друг вполне может впечатлить золотоволосую диву.

Когда мы появляемся в спортзале, там уже не только грохочет музыка, но и народ начинает активно плясать, миновав фазу рассредотачивания по стеночкам. Хит «Пепел любви» Алексея Глызина отлично способствует раскрепощению. Многие пляшут и подпевают.

Танцы – это не про меня. Я здесь просто ради атмосферы. А вот Миха уже выцепил каких-то девчонок и дрыгается в такт вместе с ними. Саша не танцует, думаю, просто стесняется. Ему махает кто-то из знакомых, и мы разделяемся.

Приваливаюсь спиной к спортивному снаряду, выискиваю взглядом свою девочку. Танцует она. В кругу своих подружек. В груди вдруг тепло так стало, какая-то радость безотчетная, как бывает, когда впервые задачу сложную по математике сам решить смог или наступлению весны теплой радуешься.

Рыженькая двигается легко, без скованности или зажатости, руками не машет, как та брюнетка, что выделяется рядом с ней.

Любуюсь девочкой, хотя ее фигурка то и дело скрывается в толпе, но я все равно вижу ее, не теряю, жду подходящей минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.